

ИЛЬЯ БУШМИН

Рожденный убивать

Илья Бушмин

Рожденный убивать

«Издательские решения»

Бушмин И.

Рожденный убивать / И. Бушмин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740140-5

Из колонии сбежал особо опасный преступник по кличке Жила. Бывший спецназовец мечтает поквитаться с теми, кто отправил его за решетку, и раздобыть денег, чтобы скрыться из страны. Злодей не остановится ни перед чем, и тихий город содрогается от череды жестоких убийств и дерзких вооруженных нападений. Заслон банде во главе с неуловимым Жилой могут поставить только сотрудники «разбойного» отдела УВД. Тем более, у одного из них, капитана полиции Дениса Аксенова, свои счета с преступником...

ISBN 978-5-44-740140-5

© Бушмин И.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Часть 2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Рожденный убивать

Илья Бушмин

© Илья Бушмин, 2016

ISBN 978-5-4474-0140-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

- Не хочется светиться лишний раз...
- Все равно нет.
- Дэн, а если они нарисуются сейчас? Вдруг я их спугну?
- Нет, сказал.

Фокин хмуро покосился на неуступчивого Аксенова, недовольно вздохнул, но промолчал в ответ. Однако долго это не продлилось.

- Пить нельзя, есть нельзя, курить нельзя... Что в твоей тачке вообще можно делать?
- Ездить, Сергей. Не нравится, ходи пешкодралом.

Фокин недовольно пробормотал что-то себе под нос и отвернулся.

Сколько себя помнил, Аксенов мечтал о хорошей машине. Но обходиться приходилось подержанными авто, которые он менял каждые пару лет. А потом на него, в лучших традициях волшебных историй, свалилось наследство в виде однокомнатной квартиры. Умер, допившись, его отец-алкоголик, с которым Аксенов не общался полжизни – с тех пор, как достиг совершеннолетия и смог покинуть ненавистный ему отчий дом. Продав однушку покойного отца, Аксенов наконец исполнил свою мечту – на зависть всем, теперь он передвигался на новеньком, черном, с хромированными порогами и кенгурятниками, внедорожнике «пежо». Но, по мнению многих, особенно Фокина, после покупки джипа Аксенов немного двинулся. Машину он холил и лелеял больше, чем Кощей Бессмертный яйцо с собственной смертью. И иногда это напрягало. Особенно в вечера вроде этого, когда Фокин и Аксенов были вынуждены коротать уйму времени в джипе, в котором нельзя было практически ничего.

– Вещи должны служить людям, а не люди вещам, слышал такое когда-нибудь? – не выдержал Фокин. – Народная мудрость, между прочим. Ну вот поем я, допустим, здесь. Ну, крошка упадет. И что из этого? Или покурю. Да ты сам куришь, ё-моё!

– Но не в машине же.

– Слушай, Дэн, у тебя детей нет, аллергии какой-нибудь тоже, нафига тебе идеальная чистота в машине?

– Эта тачка стоит полтора мулика, – не поддавался Аксенов. – Купи себе такую же, а потом я на тебя посмотрю.

– Фига се, – оскорбленно отозвался Фокин и в очередной раз отвернулся. Но, что-то увидев в конце двора, тревожно заерзал в кресле. – Дэн. Кажется, они.

Во двор, озаряя пространство перед собой светом фар, заехала машина. «Пежо» Аксенова стояло на противоположном конце двора, около последнего, восьмого подъезда. Было поздно, двор освещался редкими фонарями, и с их позиции Фокин и Аксенов не видели точно, что это был за автомобиль. Аксенов прищурился:

– Кажется, «форд»... Номера видишь?

Машина неторопливо ползла по двору, словно водитель искал место для парковки. Но безуспешно – в это время суток, поздним вечером, все парковочные места во дворе были заняты. «Форд» съехал к пешеходной дорожке около пятого подъезда и припарковался вплотную к бордюру.

Из машины вышли двое. В свете фонаря перед подъездом было видно – это полицейские. Фуражки, форменные кители. На плече одного висел автомат. Переговариваясь, сотрудники полиции двинулись к дверям подъезда.

Аксенов вытащил бинокль из бардачка.

– Автомат.

– Черт... Хреново.

– Сигналь всем, – бросил Аксенов Фокину, продолжая внимательно следить в бинокль за полицейскими. – Это они.

Не подозревая о слежке, сотрудники полиции скрылись внутри. Двери были на кодовом замке, но один из стражей порядка знал код. В подъезде было темно – свет горел лишь на первом этаже – но люди в форме спокойно добрались до лифта.

Когда раздался звонок в дверь, хозяин двухкомнатной квартиры на четвертом этаже был удивлен. Он как раз собирался откупоривать бутылку вина, чтобы устроиться с бокалом перед телевизором. Посмотрев на часы – было почти 11 вечера – он с недоумением подошел к двери и выглянул в глазок.

На площадке перед квартирой стояли двое в форме.

– Кто там? – голос почему-то дрогнул.

– Полиция, – сухо и требовательно отозвался голос из-за двери. – Откройте.

– А... что случилось? Я не вызывал.

– У вас была кража этажом выше, – это был второй голос, чуть помягче. – Мы опрашиваем жильцов. Буквально на минутку.

Хозяин невольно выдохнул. Его совесть была чиста, но мало ли что. Визит ментов на ночь глядя способен обрадовать мало кого. Открывая дверь перед полицейскими, он спросил:

– А кого обокрали? Ког...?

Договорить он не успел. Как только дверь приоткрылась, полицейский с автоматом на плече резко дернул ее на себя, распахивая до конца. А второй, навалившись на хозяина, втолкнул его внутрь. Страж порядка сдавил горло хозяина левой рукой, а правой выхватил пистолет и принялся тыкать ему в лицо. Хозяин, бледнея от ужаса и понимая, что перед ним никакие не полицейские, увидел физиономию с агрессивно выдвинутой вперед челюстью. Ряженный с пистолетом грозно прошипел голосом, от которого у хозяина кровь застыла в жилах:

– Вякнешь, башку прострелю, все понял? Кровью у меня изойдешь! Есть кто дома?

Хозяин попытался ответить, но не смог – лишь открыл рот. Ряженный чуть сдавил его горло, и хозяин лихорадочно замотал головой – никого.

Второй, с автоматом, захлопнул дверь и бросился проверять комнаты. Ряженный №1 схватил хозяина за шиворот и поволок спотыкающегося и перепуганного насмерть мужичка в гостиную.

– Пошел! И только вякни, цацкаться не буду!

Тем временем во двор медленно заехал темный фургон без опознавательных знаков и, заглушив свет фар, замер в десятке метров от «форда» ряженных. В «пежо» Аксенов и Фокин проверили оружие, Фокин поправил кевларовый бронежилет, переклеив пару липучек на боку.

– Все готовы? – бросил Аксенов по рации.

– На позиции, – прохрипела рация в ответ.

На счету банды лже-полицейских было уже два разбойных нападения на квартиры в разных частях города. Угрозыск имел словесный портрет преступников и отпечатки пальцев одного из них, неловко оставленные на первом разбое. Судимости у человечка не было, но было задержание семь лет назад, о котором он, возможно, уже забыл. Благодаря этому Аксенов и Фокин вышли на след Сашко, одного из ряженных. Осторожная наружка в течение суток показала, что он дважды засветился в этом самом дворе, разведывая обстановку. Когда стало ясно, что будет третий налет, решено было устроить засаду. Однако они знали лишь дом – но не квартиру. Поэтому бандитов решили брать на выходе из адреса, а не внутри. Был небольшой риск, что они нанесут вред терпиле – но других вариантов не имелось.

– Берем их при погрузке в тачку, – напомнил Аксенов. – Ни раньше, ни позже.

– Понял, – хрипнула рация.

Хозяина квартиры связали с помощью скотча по рукам и ногам и бросили на пол в центре гостиной. Пока один из ряженных быстро складывал в сумку легкую технику – ноутбук, планшетник, сотовый и прочее – второй давил на хозяина:

– Где деньги? Слышь? Я тебя спросил, б... дь, где деньги?

Бандит двинул лежащему на полу хозяину по спине рукояткой ствола. Хозяин дернулся и взвизгнул, но тут же сжал зубы, памятуя: если он вякнет – преступник не будет цацкаться и прострелит ему голову.

– Коробка от диска, – пролепетал он дрожащим голосом, – Под телевизором.

Бандит шагнул к телевизору и, склонившись, увидел на полке несколько десятков DVD. Все диски он в ярости смел на пол, рыкнув:

– Какая? Какая, б... дь, из них?

– Черная! Без этикетки, толстая!

Через десять минут ряженные – на плече одного автомат, в руках второго тяжелая спортивная сумка с похищенным – быстро вышли из дома.

– Начинаем, сразу при посадке, – выдохнул Аксенов по рации, буквально физически чувствуя брызнувший в кровь адреналин.

Вспыхнул габаритами «форд». Автоматчик шагнул к водительской дверце, второй открыл багажник и бросил туда сумку.

– Начали! Пошел, пошел, пошел!

Фургон вдруг сорвался с места и, ревя двигателем, рванул к «форду». Автоматчик, уже усевшись за руль, понял все сразу. Что есть мочи он заорал:

– Мусора!!

Фургон, визжа покрывками, резко затормозил и ушел в сторону, перекрыв проезд вперед. Дверца распахнулась, и из фургона выпрыгнули трое спецназовцев в шлемах и с автоматами. Каждый ревел:

– Работает СОБР! На землю! Полиция!

Ряженный бросился к машине, но при появлении бойцов он вскинул оружие и открыл огонь. Получив толчок в защищенную бронежилетом грудь, один из спецназовцев пошатнулся. Тут же второй надавил на спусковой крючок. Автоматная очередь прогремела на весь двор. Бандита в полицейской форме изрешетило пулями и бросило на асфальт.

Аксенов и Фокин с пистолетами в руках выпрыгнули из машины. Броситься к «форду» они не успели. Водитель решил прорываться: «форд» взвыл двигателем и дернулся назад. Дав полукруг, он разнес багажник об припаркованную напротив подъезда машину. Та отчаянно звывала сигнализацией.

Аксенов выкатил глаза, лихорадочно соображая.

– Твою мать!

Путь вперед перекрыт фургоном спецназа. Значит, урод будет уходить в его сторону. Аксенов прыгнул за руль «Пежо» и, захлопнув за собой дверцу, крутанул ключ в замке зажигания.

Спецназовцы бросились к ревущему «форду», который толкал смятым багажником стоящую сзади машину.

– Из машины! Вышел из машины!

Один из бойцов дал автоматную очередь вверх. Но «форд» сорвался с места. На ходу бандит выворачивал руль. Места для разворота было мало – вылетев на тротуар и снеся переднее крыло об окаймлявший пешеходную дорожку металлический заборчик, «форд» рванул прочь.

Аксенов диким взглядом следил за машиной ряженого, газуя на месте и лихорадочно просчитывая доли секунды.

Боясь, что «форд» собьет его, Фокин бросился бежать. Сиганул через заборчик у тротуара и выстрелил в машину. Фокин целился в колесо, но пуля разнесла фару.

«Форд», набирая скорость, мчался прочь со двора.

Пора. Аксенов вдавил ногу в педаль акселератора.

«Пежо» сорвался с места и локомотивом снес проносящийся мимо «форд». Закрепленный спереди кенгурятник, корежа дверцы седана, вжал его в бордюр тротуара. Аксенов видел, как дернулся, ударяясь об окно водительской дверцы, бандит в форме.

Когда «пежо» сдал назад, спецназовцы обступили «форд» и, крича и тыча в искореженную машину автоматами, выволокли водителя из машины. Левая часть лица его была разбита и кровоточила, глаза вращались – он был в прострации после столкновения.

– Руки! Лежать, сука! Руки вяжи!

Аксенов, выбежав из машины, первым делом бросился к кенгурятнику, склонился над ним и ахнул. Кенгурятник был чуть смят прямо перед радиатором. Аксенов грязно выматерился.

– Помял! Твою мать, помял! Убить тебя мало, скотина!

Подбежал Фокин, быстро оглядел хромированную дугу перед радиатором.

– Да брось ты, Дэн, почти не заметно...

Аксенов одарил его лютым взглядом. Фокин тут же выставил перед собой руки:

– Молчу, блин! Я-то тут при чем? К нему все вопросы!

Когда они подошли к «форду», ряженный водитель тяжело дышал, лежа на тротуаре со сцепленными за спиной руками. Один из бойцов вытащил из машины автомат, повертел.

– Пневматика. Муляж. Повезло.

– Зато у второго был боевой, – добавил другой боец.

– Что с ним?

Аксенов обернулся на второго. Все было ясно без слов – труп в полицейской форме лежал, раскинув руки в стороны, в луже крови.

– Двухсотый, – прокомментировал кто-то из бойцов. – Зато наших никого не зацепило, хотя он раза три-четыре пальнул. Повезло.

Кому как, подумал Аксенов, мрачно оборачиваясь на «пежо» с погнутым кенгурятником. Помимо испорченного железа, за которую Аксенову еще недавно пришлось выложить круглую сумму, они имели на руках факт наличия трупа и факт перестрелки. А значит, без начальства, следака и разбора полетов не обойтись.

– Вызывай группу, – без энтузиазма сказал он Фокину. А сам, подойдя к задержанному, который пытался на асфальте, склонился над ним. Аксенов грубо толкнул его по плечу: – Какую хату выставили? Ну? Хату какую?

– Сто двадцать девять, – тихо буркнул бандит, косясь на Аксенова. И изумленно замер. Он сразу же узнал опера.

Аксенов тоже вспомнил и узнал задержанного. И, нахмурившись, буркнул:

– Ну привет, Ханыга. Давно не виделись.

Во дворе около подъездов группы местных жителей, оживленно сплетничая, с интересом наблюдали за работой силовиков. Когда криминалисты закончили, тело убитого Сашко погрузили в труповозку. В это время прибыл эвакуатор, чтобы отогнать искореженный «форд» Ханыгина и Сашко. Почти одновременно с ним подъехал Хохлов – 50-летний, полный, страдающий изжогой и начальной стадией язвы желудка, мужчина.

– Без стрельбы никак? – проворчал он.

– Я вообще не стрелял, ко мне какие вопросы? – буркнул Аксенов. Но все же продолжил, как того требовала субординация: – Наружка привела нас только к дому. Мы даже подъезд не знали, где они хату брать будут. Если бы знали, само собой внутри бы засели...

– Охренеть. Кого пасли?

– Сашко. – Аксенов кивнул на уезжающую труповозку. – Тот, который жмур.

– А второй?

– Ханыгин. Мы его пять лет назад брали. Помните нападение на оптовую базу?

– Погоди, – нахмурился Хохлов. – Это где троих ментов подстрелили? – Аксенов кивнул. – Охренеть. Значит, он был там?

– Ханыгин тогда главбандоса сдал, – сказал Аксенов. – А за это выторговал себе условку. Обещал завязать, благодарил, чуть ли не на коленях ползал... Я пять лет ничего про него не слышал. Целых пять лет, Петр Дмитриевич.

Тем временем Фокин общался с потерпевшим. Растрепанный хозяин ограбленной квартиры был в полнейшей прострации. Сначала – нападение. Потом – пленение: его связали, чтобы он не мог позвонить в полицию. Затем – стрельба во дворе. А после – визит полицейских, которые его и освободили. Терпила наблюдал, как криминалист снимает отпечатки пальцев со стола, где еще недавно стоял ноутбук.

– Если вы знали, что это будет, то почему не защитили как-то? – пробормотал он. – Они меня тут чуть не убили.

– Не убили бы, – утешил Фокин. – Это уже третье нападение, а они пока никого не убили.

– Так вот, значит? – несмотря на шок, хозяин квартиры возмущился таким цинизмом. – Ну спасибо за заботу! Моя милиция меня бережет!

– Это милиция берегла, а мы полиция, у нас только собственные шкурные интересы, – раздражаясь и пытаясь это скрыть, буркнул Фокин. – Вы заявление дописывать будете или как?

Во дворе Хохлов звонил начальству, но никак не мог дозвониться.

– Аксенов, ты со следаком все?

– Так ко мне вопросов и не было. Я не стрелял, я же говорил? Кстати, раз уж разговор зашел... Я могу какой-нибудь рапорт написать, чтобы мне ремонт кенгурятника возместили за счет управления?

Хохлова от вопросов опера спас звонок.

– Алло! Да, товарищ полковник. Докладываю, взяли с поличным. Мои ребята при поддержке СОБРа. У них был пневматический «Юнкер», который внешне имитирует боевой АКСУ, и боевой ТТ. Да, у ствола номера спилены. Отправили на экспертизу, конечно. Так точно. Да, так точно, – прикрыв микрофон ладонью, Хохлов недовольно шепнул Аксенову: – Ты охренел, Аксенов. А кондиционер тебе за счет управы не надо починить?

– С кондиционером все в порядке пока...

Но Хохлов уже вернулся к разговору:

– Так точно, товарищ полковник, оказали злостное сопротивление. Открыли огонь, пришлось стрелять на поражение.

Была уже ночь, но ехать домой Аксенов и Фокин, несмотря на желание, не могли – надо закреплять Ханыгина, пока он был в шоке после задержания и не успел продумать линию поведения.

Но Ханыгин молчал. Медики обработали его лицо, разбитое при вынужденном ДТП во дворе, но выглядел он все равно паршиво. Осунувшийся, хмурый, Ханыгин понимал, что попался. Однако, несмотря на то, что задержанный был деморализован – он молчал.

– Ханыга, мы знаем, что вы с Сашко взяли еще две хаты, – говорил Аксенов. – На Пересвета и на Луговой. Пальцы Сашко остались на первой. А оба терпила вас опознают, зуб даю. Ханыгин молчал.

– Слушай, ты же не в первый раз замужем. Дашь чистуху сразу – мы шепнем за тебя словечко следаку. У тебя только одна ходка, да и то по хулиганке. Здесь получишь по минимуму.

Ханыгин молчал.

– Так и будешь в молчанку играть?

– Курить есть? – мрачно буркнул Ханыгин.

Аксенов положил перед ним пачку сигарет. Ханыгин закурил. Взяв с подоконника пепельницу, Аксенов вернулся за стол и закурил сам. Ничто не помогает выйти с объектом, которого пытаются расколоть опер, как совместное курево.

– Ну, Паш? – выдержав паузу, продолжил Аксенов. – Говорить будем или как?

– Я возьму на себя все.

– Сколько эпизодов у вас? Три? Или есть какие-то, о которых я не знаю?

– Только три.

– А чего ломался? – Ханыгин не ответил. – Как знаешь. Чистуху будешь писать?

Поколебавшись, Ханыгин кивнул. Аксенов положил перед ним ручку и бумажку. Тот продолжал курить, потерянно и тоскливо глядя вникуда. Аксенов наблюдал за ним.

– Слушай, Паш. Мы же с тобой пять лет назад договорились, вроде. Нафига тебе это?

Ханыгин снова поколебался перед ответом.

– Деньги нужны.

– Всем нужны. Мне, думаешь, не нужны? Если б не нужны были, я б не пахал здесь как дурак, а загорал бы сейчас на пляже с коктейлем в руке. – Ханыгин не отреагировал. – Паш, я тут пробил, пока тебя оформляли... У тебя ни за это время ни одного задержания не было. Ты ни по одной наводке не проходил. То есть, завязал вроде. С чего сейчас во все тяжкие опять пустился-то?

Ханыгин не ответил, лишь отвел взгляд и снова уставился вникуда. Аксенов задумчиво наблюдал за задержанным. И его поведение оперу категорически не нравилось.

Из управления Аксенов и Фокин выехали уже поздней ночью. Аксенов, подвозя Фокина домой, буркнул, видя, как тот пытается достать сигарету из пачки:

– Назад убери. Не в машине, задолбался тебе говорить уже.

– Твою мать, – проворчал Фокин, пряча сигареты в карман и вздыхая.

– Серег, а ты сам вообще заметил, что ты еще больше курить стал?

– Когда?

– После того, как типа пытался бросить.

– Не типа пытался, а пытался, – огрызнулся Фокин. – Бросишь тут с вами.

– Гнилые отмазы.

– Умный? Вот сам попробуй бросить, а потом советы давай.

– Ты каждый месяц заводишь очередную телегу на тему «я бросаю курить», – хмыкнул Аксенов. – Потом неделю достаешь всех. Потом срываешься и начинаешь курить еще больше, чем курил до того, как типа бросил. Ты реально уже достал всех. Или брось уже раз и навсегда, или...

– Как только, так сразу. Ты со своей тачкой тоже всех достал.

– Не всех, а только тебя, это большая разница, – рассмеялся Аксенов.

Фокин предпочел переменить тему.

– Ханыгин поплыл?

– Куда он денется. Написал чистуху. Завтра закреплять придется.

– Слушай, а та история пять лет назад, что там было? Я же еще не работал в отделе.

Вспоминать в подробностях тот день Аксенов не хотел.

– По информации работали. С поличным брали банду. Их было четверо. Один водитель и трое бойцов. Все в масках и со стволами. С боевыми стволами.

– Ханыгин был одним из них?

– Был водилой. Ждал снаружи. Его взяли первым, тихо, без шума. А те трое там решили устроить вторую мировую... Подстрелили одного опера и двух собровцев, один из бойцов потом в реанимации помер.

– Жест... Всех взяли?

– Их главный ушел. Но Ханыгин дал показания и слил его адрес, – отозвался Аксенов.

Слушай напарника, Фокин машинально достал пачку сигарет. Уже выуживая одну, он наткнулся на красноречивый взгляд Аксенова и со вздохом снова спрятал сигареты в карман.

– Ханыгин мне сегодня не понравился, – задумчиво сказал Аксенов. – Знаешь... У меня подозрение возникло, как будто он чего-то боится.

– Ясен пень, боится, – хмыкнул Фокин. – Его с поличным замели!

– Дело не в этом.

– А в чем?

Аксенов молча пожал плечами. Он на самом деле не знал.

Пока.

Глядя сквозь голени, Аксенов увидел проскользнувшие мимо двери в гостиную ноги Ольги. Проснувшись, подумал он, следя за дыханием. Медленный вдох – плавный выдох. Он стоял в уттанасане, согнувшись в поясе так, что лбом он доставал до собственных голеней. Медленный вдох – плавный выдох.

Медленно Аксенов переместился в шванасану, встав широкой буквой Л.

В комнату, он услышал, заглянула Ольга.

– Завтракать будешь?

– Угу.

– Ты же меня подбросишь на работу? Мне бы сегодня пораньше. У нас там какое-то собрание планируется опять...

– Угу.

– Тебе еще долго?

Аксенов невольно вздохнул.

– Нет.

– Мы же не опоздаем?

Черт возьми, подумал он, почему ты проснулась именно сейчас.

– Нет.

Ольга недовольно покосилась на застывшего в асане Аксенова, который словно не понимал, что ей нужно на работу пораньше. Поджав губы, она отправилась на кухню и принялась – Аксенов подумал, что демонстративно громко – греметь тарелками.

Аксенов и Ольга были женаты три года. Познакомились в типичной для любого опера ситуации – она была свидетельницей по делу, над которым работал Аксенов. Поначалу отношения напоминали идиллию, но вскоре выяснилось – все не так, как кажется. Они были разные. Ольга была раздражительной, но главное – катастрофически неуверенной в себе. Любую неприятность она несла в дом, а у Аксенова хватало своих проблем. Выслушивать каждый вечер двухчасовые истории о том, как ее не любят на работе и как ей не везет в карьере, для него было слишком. Плюс его собственная служба, на которой он пропадал сутками. Одним словом, сейчас их отношения были странными – до отчуждения, конечно, не доходило, но сказать про Аксеновых «они живут душа в душу» явно было нельзя.

Медленный вдох – плавный выдох. Аксенов медленно перешел в буджангасану – лег на живот и, отталкивая себя руками, прогнулся максимально назад. Глаза увидели верхнюю часть двери в комнату. И перевернутую голову вернувшейся Ольги.

– Денис, ты не можешь поторопиться? Мне реально пораньше надо.

Черт.

– Хорошо, – отозвался он, не двигаясь и следя за дыханием. Раздраженно выдохнув, Ольга ушла.

Аксенов почти 15 лет начинал каждое свое утро с йоги и дыхательных упражнений. На другие тренировки у него, при всем желании, не было времени, несмотря на висевшую

на балконе боксерскую грушу. Именно благодаря йоге он в свои 35 был более гибким и подвижным, чем в подростковом возрасте. А благодаря дыхательным упражнениям пытался хоть как-то компенсировать вред от сигарет.

Закончив, он принял душ, пожарил яичницу с помидорами и быстро проглотил нехитрый завтрак. Одевшись, Аксенов обнаружил, что Ольга, еще в ночной рубаше, слоняется по комнатам с одеждой в руках.

– Оль, ты меня торопила. Ну вот, я готов. А ты?

– Не дергай меня, подождешь! – отрезала она.

– Как задержан...? Кем? Когда?

– Вашего мужа задержали полицейские. С поличным, о время совершения преступления.

Мы можем войти?

– Но... Господи. Когда?

– У нас постановление на обыск, – мягко, но настойчиво повторил Аксенов, снова показывая Ханыгиной документ. – Мы должны обыскать ваш дом. Впустите нас.

Женщина отступила, с потерянными глазами, глядя, как внутрь заходят Аксенов, Фокин, понятые и двое полицейских в форме. Осматриваясь, Фокин махнул понятым на гостиную:

– Давайте оттуда начнем. Понятые, следуйте за мной, что ли.

Ханыгин жил в частном доме на окраине. Небольшой, ничем не примечательный домишко с воротами, огородами и стареньким гаражом.

До Ханыгиной стало доходить, что случилось. Бледнея, она опустилась на стул. Аксенов тревожно нахмурился.

– Вам плохо? Воды?

– Когда это было? – пробормотала она, трогая себя за лицо, словно у нее разболелся зуб. В глазах стояла неприкрытая паника. – Когда? Паша... где он сейчас?

Аксенов вздохнул.

– Он в изоляторе временного содержания. Если вы хотите с ним встретиться, я вам дам телефон следователя, я такие вопросы решать не могу. Ханы... Павла задержали ночью. Наши сотрудники. Он совершил разбойное нападение на квартиру вместе со своим знакомым, его фамилия Сашко. Вы его знаете?

Ханыгина растерянно посмотрела на Аксенова – так, словно вообще только сейчас поняла, что он здесь. Смысл происходящего наконец стал доходить до нее. Она слабо кивнула.

– Он заходил как-то... Паша сказал, друг это его...

А потом она расплакалась. «Воды», – шепнул Аксенов одному из постовых, тот быстро удалился вглубь дома. Из гостиной вышел Фокин.

– Во дворе есть какие-то постройки? Гараж, сарай...? – увидев кивок Аксенова, Фокин указал понятым на дверь: – Так, понятые, теперь давайте пройдем на придомовую территорию...

Они вышли. Ханыгина продолжала плакать, растирая по лицу слезы и шмыгая носом. Аксенову было жалко женщину. Пять лет назад, когда Аксенов так же, как и сейчас, проводил здесь обыск, она рыдала не меньше. Жена искренне любила своего непутевого муженька.

– Я ведь чувствовала, – приговаривала Ханыгина, плача. – Я знала.

– Что чувствовали?

– Он последние дни... весь не свой был. Нервный. Беспокойный. По ночам не спал. Сидит на кухне, курит и думает о чем-то...

– Он что-нибудь говорил?

Ханыгина, всхлипывая, покачала головой. Но Аксенов не собирался так просто сдаваться. Вытащив визитку, он протянул ее женщине.

– Я попытаюсь помочь вашему мужу, – соврал он. – Чтобы ему дали условный срок. А вы, если вспомните вдруг что-нибудь – позвоните, хорошо?

Принимая карточку, Ханыгина не выдержала и разрыдалась в голос.

На обыске они нашли часть похищенного со второго налета – вещи с первого дела бандиты, очевидно, уже успели продать. Но и это было что-то. Однако Аксенову не давал покоя сам Ханыгин. На ночном допросе задержанного опер увидел, что тот чего-то боится. А теперь его жена по сути подтвердила это. Может быть, это все неважно, думал Аксенов, но его раздражало, когда ему что-то непонятно.

А в управлении их ждал сюрприз. В коридоре они наткнулись на Колокольцева, еще одного опера из их отдела. Жуя бутерброд, он махнул операм назад:

– Вас Хохлов ждет. Сказал, нарисуются – сразу ко мне.

– Что-то не так? – насторожился Фокин. – Что, жалоба какая-нибудь?

– Да я откуда знаю? Иди и спроси.

Они так и сделали. Постучавшись, Аксенов и Фокин вошли в кабинет. Напротив Хохлова сидел, попивая кофе из кружки, плечистый мужик лет 40 в камуфляже с нашивками ФСИН на рукаве. Хохлов был чем-то озадачен.

– А вот и они. Это капитан Аксенов, это старший лейтенант Фокин. Они вчера Ханыгина брали.

– Капитан Долгов, Василий, – мужик протянул руку. – Оперативно-розыскной отдел, областное управление ФСИН.

– А что не так с Ханыгиным? – насторожился Аксенов, пожимая ему руку. – При чем тут ваша контора?

– С самим Ханыгиным все нормально. Но мы по своим каналам узнали о его задержании. А он пять лет назад проходил по делу Артема Жилина.

– Да, он был водителем в его банде, как раз наш отдел по ним и работал. А что случилось-то вообще?

Аксенов напрягся, чувствуя, что сейчас будет самое неприятное. И угадал.

– Вы ориентировки на розыск не читаете, да? – спросил Долгов. – Жилин. Он сбежал из колонии строгого режима.

Аксенов похолодел, мгновенно – словно это было вчера – вспоминая события пятилетней давности и уголовного по кличке Жила. самого опасного преступника из всех, с которыми ему пришлось столкнуться за все годы работы. За десять лет работы опером в отделе по расследованию грабежей и разбойных нападений городского УВД...

– Как он вообще сбежал? – удивленно спросил Аксенов, ставя перед Долговым кружку с кофе. – Это же колония-строгач, сорок километров до ближайшего населенного пункта. Как ему удалось вообще?

– Там история интересная, конечно, получилась, – вздохнул опер ФСИН. – Начальника колонии уже турнули, двух его замов и нача оперчасти тоже... Вы новости не смотрели? Там несколько раз показывали сюжеты о побеге. Жила у нас теперь звезда.

– Много работы, за шоу-бизнесом не очень получается следить, – хмыкнул Фокин, закуривая. Покосившись на него, Аксенов встал и приоткрыл окно в кабинете.

– Их было трое, сам Жила и двое подельников, – сказал Долгов. – Лямку тянули спокойно, не высывались, никаких нареканий, в личном деле только положительные характеристики. За это их взяли на работы в стройотряд, на строительство барака в промышленной зоне колонии. Столярами и плотниками... И вот там они сделали подкоп. Двадцать метров лаз, прикиньте? Прямо за забор.

– Двадцать метров? – изумился Фокин. – Фига се! И никто ничего не заметил? А землю они куда девали – ели, что ли?

– Землю по-тихому вывозили в тележках вместе с опилками. Земли было много, конечно, но работали они аккуратно, суки. Наши говорят, над подкопом они минимум месяц работали. То есть, сразу после того, как их в стройотряд определили.

– Ну а чего время терять, – согласился Аксенов. – А кто другие двое? Откуда?

– Да неважно. Их взяли быстро. После побега они ночью бегом добрались до придорожной закусочной, она была в десяти километрах от зоны. Ограбили ее, сторожа и продавщицу связали и избили. Там взяли тачку. И на ней налетели на кордон. Их взяли ДПСники, когда они по проселочным дорогам пытались в другую область рвануть.

– Их?

– Двоих подельников. Самого Жилы в машине не было. Они сказали, что Жила в закусочной взял только дробовик и по мелочи необходимые вещи: одежду, спички, еду. А куда ушел, не знают. Говорят, он с ними вообще никакими своими планами не делился, – Долгов покачал головой. – Ну и в итоге после этого целых полторы недели поисковые отряды прочесывали все вокруг, радиусом сто километров. Подключали вертолеты. И ничего. Жила как сквозь землю провалился.

– Может, его волки загрызли? – усмехнулся Фокин. – Там волки водятся?

– Скорее, он их загрыз, – хмуро буркнул Аксенов.

– Почему?

Аксенов вздохнул.

– Жила служил в разведроты ВДВ. Сначала срочную, потом пять лет по контракту... Его учили выживать в экстремальных условиях. И не только в лесу. Я вспоминаю сейчас... Когда мы его взяли, он хвалился, что если ему дать спички и нож – он сможет пару месяцев хоть в тайге, хоть в тундре продержаться.

– Все так, – мрачно согласился Долгов и протянул Фокину фотографию Жилина. – Ну и плюс посмотри на него...

Фокин присвистнул. С фото на опера смотрел здоровенный и короткостриженный амбал с квадратной челюстью, бычьей шеей и лютым взглядом.

– Фига се. Ему только бандосов в кино играть.

– Физподготовка спецназовца, плюс личные физические данные... Он с самого начала считался самым опасным из беглецов. Но все были уверены, что его удастся отловить. Когда стало ясно, что Жила ушел, объявили федеральный розыск. Он местный, так что сразу подключили нас.

– У него подружка была, – вспомнил Аксенов. – Мы пять лет назад Жилу как раз у нее на хате и брали, он там затихариться пытался.

Долгов кивнул, покопавшись в бумагах и протягивая Аксенову фото.

– Да, Светлана Кибирева. Мы в курсе. Зря, думаешь, свой хлеб едим?

Снимок был сделан во дворе и явно тайно от самой Кибиревой. Женщина лет 28—30, стройная блондинка, шла по двору жилого дома с пакетом продуктов в руке.

– Фотку наружка сделала?

– Само собой. Мы взяли под колпак и ее, и родителей Жилина. Наружка, прослушка сотовых и домашних – все, как полагается. Все-таки ищем особо опасного упыря, это не шутки.

– Честно говоря, после побега надо быть последним придурком, чтобы нарисоваться у предков или у своей бабы, – отметил Фокин. – А этот ваш Жилин, как я понял, не из придурков.

– Мы должны использовать все возможности, сам понимаешь, – пожал плечами Долгов. – А девчонка все эти пять лет писала Жиле на зону. Даже приезжала к нему на свиданки несколько раз.

– Только она?

– Еще мать, два-три раза за пять лет. Больше никого. – Долгов хмыкнул: – Я так понимаю, пять лет назад отдел разбоев всех его корешей пересажал, так что поля для работы вы нам не оставили. Мы покопались в досье Жилы, узнали про Ханыгина. Поставили его телефон на прослушку... А потом бац – узнаем, что вы его повязали. Ну, я ноги в руки и сразу к вам.

– Извини, – Фокин развел руками. – Мы о Жиле не в курсе. Даже о побеге только от тебя слышали.

Аксенов задумчиво потарабанил пальцами по столу.

– Ханыгин ведет себя странно. Сразу видно, что чего-то не договаривает. Может, боится. Его жена тоже сказала, что он странно себя вел в последние дни. А ведь это он тогда Жилу сдал.

– Так может, он боится, что Жила решит отомстить? – спросил Долгов.

Чтобы проверить это, Аксенов отправился в ИВС. Конвоир привел Ханыгина в допросную. Тот выглядел помятым, под глазами уже проклюнулись круги – выспаться минувшей ночью ему явно не удалось.

– Как дела? Следак приходил? Что говорит?

– Завтра опознание хочет проводить, – буркнул Ханыгин.

– Это хорошо. Паша, почему ты про Жилу ничего не сказал?

Ханыгин вздрогнул.

– А что я должен был говорить?

– Ты сам знаешь.

– О чем?

– Ты знал, что он сбежал?

Ханыгин вздохнул, отвел глаза и нехотя пробурчал:

– В новостях видел.

– Испугался?

– А вы-то как думаете?

– Поэтому квартиры выставлял стал?

– Давайте не будем об этом. Пожалуйста, – подавленно воззвал Ханыгин.

Теперь Аксенов смотрел на него с жалостью.

– Паш, если ты боишься, что он тебя найдет и отомстит за ту подставу – не переживай. Во-первых, не найдет. Его сейчас ищут менты всей страны, он особо опасный преступник. А во-вторых, скоро его поймают и закроют. После побега он получит пожизненное, это я могу гарантировать.

– Хорошо, – кивнул Ханыгин.

– Ты знаешь, куда он может податься? Кто у него из корешей здесь остался? Тебе это зачтется. Если ты поможешь закрыть Жилу во второй раз, тебе многое простят. Может, даже условку получишь.

Ханыгин помедлил, но затем сухо и сдержанно, всем своим видом показывая отсутствие всякого желания общаться, бросил:

– Я просто видел его по телевизору. И все.

Аксенов зашел в бар, когда было около восьми вечера. Несмотря на время, в заведении было немногочисленно, лишь за тремя столиками сидели несколько тихих компаний. Аксенов кивнул бармену в знак приветствия.

– Леонидыч на месте?

– Отлучился куда-то, сейчас подойдет. Что вам?

– Да как всегда. И орешки какие-нибудь, хорошо?

Пока бармен набирал пиво в кружку, Аксенов присел за столик у окна. Он любил садиться именно здесь – было видно припаркованную перед баром машину.

Поправляя пояс, из подсобки вышел Крылов. Пузатый и усатый мужчина, в униформе охранника, с резиновой дубинкой на поясе. Увидев Аксенова, он разулыбался и уселся рядом.

– Здорова служивым. Опять приперся, алкоголик? Когда работать будешь?

– На себя посмотри, – с усмешкой парировал Аксенов. – Как ни зайдешь, не на посту. Опять в туалете торчал? У тебя простата шалит или чего?

– Моя простата дай бог каждому, – подхохотнул Крылов.

Знакомы они были целую вечность. Когда-то, когда Аксенову было 12 лет, Виктор Крылов был участковым в его районе, а сам Аксенов, с самых юных лет наблюдающий перед собой вечно пьяную и одутловатую физиономию отца-пропойцы, был первым кандидатом в гопники. До пьянок или наркотиков дело еще не дошло, но с юными отморозками-друзьями Аксенов уже бил окна в магазинах и бомбил ларьки.

Что-то в характере пацана не дало Крылову передать материалы на него в отдел по делам несовершеннолетних, чтобы его поставили на учет. Участковый дал парню шанс. И у него получилось. Крылов практически вытащил Аксенова с улицы и из трудного подростка слепил из него целеустремленного и уверенного в своих силах человека. Для Аксенова бывший участковый был вторым отцом – причем в сотни раз лучше первого, родного. По протекции Крылова сразу после школы Аксенов отправился в милицейскую учебку, которую закончил через три года со званием младшего лейтенанта и правом работать в должности оперуполномоченного уголовного розыска. По протекции того же Крылова Аксенов практически сразу попал в городское УВД, в отдел по борьбе с грабежами и разбойными нападениями – к этому времени Крылов и сам перевоплотился из участкового в старшего опера этого же подразделения. И несколько лет они работали бок о бок, в одной группе...

...Пока не столкнулись с Жилой.

Бармен принес кружку пива и тарелку с орешками, поставил перед Аксеновым. Увидев сигареты на столе, он напомнил:

– У нас не курят.

– Знает он все, знает, расслабься, – отмахнулся Крылов. Когда бармен удалился, Крылов тут же запустил руку в орешки. – Как Ольга?

Аксенов отмахнулся.

– Да как всегда. Лучше не спрашивай.

– Сколько раз я тебе говорил, начни уже с уважением относиться к своей жене, – поморщился Крылов. – Если у нее есть какие-то странности или даже заходы... Так они есть у каждого. А быть женой опера – дело непростое. Помягче с ней, Денис. Если на старости лет не хочешь остаться бобылем, как я.

– Мягче меня только пластилин, – огрызнулся Аксенов.

– А чего тогда ты сюда приперся, а не домой к жене покатыл, а? Вот об этом я как раз и говорю. Вечер нужно проводить с семьей. Пока она у тебя есть.

Аксенов вздохнул.

– Жила вернулся.

Крылов почти не отреагировал – если не считать изменившегося взгляда. В глазах опера на пенсии мелькнула сталь.

Пять лет назад

Улица была погружена во тьму – фонарей здесь не было никогда. Это была промышленная окраина города, где располагались заброшенные и работающие цеха многочисленных предприятий, склады, оптовые базы, автобусные станции и мастерские. По ночам жизнь здесь практически замирала. Лишь редкие автомобили ползли, подпрыгивая на колдобинах, по старой и разбитой грузовиками дороге.

Старенькие «жигули» стояли напротив длинной стены, тянущейся вдоль улицы и уходящей, насколько хватало обзора, в темноту. Метрах в 50 от «жигулей» располагался въезд на территорию с заброшенной сторожкой и навечно поднятым шлагбаумом. Охрану объектов на некогда крупной оптовой базе обеспечивали сами объекты – фирмы, арендующие здесь складские помещения или владеющие ими.

– Убери трубу, – бросил Крылов, тревожно всматриваясь вперед, в темноту. Сидящий на пассажирском сиденье Аксенов вздохнул и спрятал сотовый телефон в карман.

– Нет же никого, Леонидыч.

– Пока нет. Твоя мобила горит так, что за километр видно.

– Надо было аудио-книгу какую-нибудь скачать, – проворчал Аксенов, ерзая на неудобном продавленном сиденье. – Хоть время бы с пользой провел.

– Хороший опер умеет ждать столько, сколько нужно. – Нравоучения со стороны Крылова были обязательным атрибутом их совместной работы, поэтому Аксенов промолчал. – Что там у остальных?

Переключка была минут десять назад, но Аксенов послушно взял рацию.

– Народ, что у вас? Машина три?

– Все пучком, никого, – изрыгнула хрипящая старая рация.

– Машина два, что с обстановкой?

– Движения нет. Мы ППСам сказали, чтобы не совались?

– Вторую ночь уже не спуются, – отозвался Аксенов. – Скоро молит ься на нас будут.

Крылов, пока Аксенов общался по рации, достал из бардачка завернутый в газету бутерброд, взял термос и налил в крышку-стакан еще горячего кофе. После последней реплики Аксенова он поморщился:

– Хорош гадить в эфире.

Аксенов положил рацию на панель, посмотрел на часы.

– Половина второго. Вряд ли они покажутся сегодня.

– Не сегодня так завтра, – пожал плечами Крылов. – Бутер будешь?

– С вечера закормленный.

Рация прохрипела голосом опера из машины-2:

– Грузовик.

– Порожняк, наши на легковушке работают, – отозвался опер из машины-3. Слушая их, Аксенов сладко и долго зевнул. Мимо них прополз, гроыхая на выбоинах, порожний «Камаз». Он прополз мимо проходной оптовой базы и вскоре скрылся в темноте.

– Денис, эти склады за месяц уже три раза выставляли, – сказал Крылов, покосившись на скучающего Аксенова. – И каждый раз перед налетом тут тусовались подозрительные типы, которых никто не знает. Разнохивали обстановку. В понедельник здесь снова вертелись какие-то мутные типы. Они сработают снова, зуб даю.

Аксенов пожал плечами. Рация снова ожила, опер из машины-3 возвестил:

– У нас движуха. «Логан», внутри четверо.

Крылов собрался, быстро закрыл термос и бросил на заднее сиденье. Вскоре впереди показался свет фар. Он приближался, и вот из темноты выплыли очертания легкового автомобиля. Крылов и Аксенов не отрывали от него глаз. Но «рено-логан» прокатил мимо проходной. Миновав припаркованную метрах в 10 от обочины – чтобы не привлекать внимание – машину оперов, «логан» поехал дальше.

– Порожняк, – заключил Аксенов. Крылов оглянулся и прищурился, пытаясь разглядеть номер.

– Степан 391 Константин Константин. Запиши на всякий пожарный, потом пробьем. Вдруг они, присматриваются.

Аксенов хотел так и сделать, но в его кармане завибрировал сотовый.

– Черт... СМСка.

– Ладно, я сам, – Крылов, с усмешкой косясь на молодого опера, взял с панели приборов блокнот. – С кем ты там по ночам переписываешься? Опять та баба? Как ее, Таня?

– Почти. Ольга.

– У вас серьезно или как?

– Трахнемся – потом скажу. Скорее всего нет. Но ей знать не обязательно.

– Как был малолетний упырь, так и остался, – рассмеялся Крылов.

В это время снова ожила рация:

– Мужики, внимание, «логан» разворачивается, идет на второй круг.

Крылов напрягся.

– Это они. Убирай мобилу!

Аксенов поспеишно спрятал телефон в карман. А потом позади них забрезжил свет фар. «Логан» приближался. Проехав мимо почти незаметной машины оперов, стоящей около мусорных контейнеров в стороне от проезжей части, «логан» двинулся дальше. До проходной базы оставалось метров десять, когда на легковушке моргнули стоп-огни – «логан» притормаживал, чтобы свернуть в ворота.

– Внимание, это они, – возвестил Крылов по рации. – Это наши клиенты!

«Логан» скрылся за воротами. Сразу же Крылов завел двигатель. Фары он включать не стал. Темный силуэт «жигулей» выкатил на дорогу и медленно покатил к проходной. Крылов снова взялся за рацию:

– Стягиваемся на территорию, медленно, никаких фар. Спугнуть нельзя.

– Понял, – по очереди отозвались коллеги.

«Жигули» оперов поползли к воротам на погруженную во мрак территорию.

«Рено-логан» остановился в двух десятках метрах от склада и погасил фары, после чего из машины выскочили трое. Три тени – каждый с дробовиком и в одинаковых рабочих комбинезонах – бросились за угол склада. Ханьгин, оставшийся за рулем, не глушил двигатель, как и приказал Жила. Опустив стекло, он услышал далекий звон – Жила, Шкет и Рыжый выбили окно.

Сторож встrepенулcя в своей сторожке. Может, показалось? Он выключил звук на крохотном походном телевизоре, который приносил на дежурства из дома и прислушался. Вроде бы тихо. Но на всякий случай сторож взял со стола дубинку и шагнул к двери.

Он успел лишь дотронуться до ручки. Мощным ударом ноги Жила распахнул дверь, едва не сбивая с ног сторожа, и обрушил на его голову мощный удар дробовика. Сторож с выбитой челюстью рухнул на пол – он отключился сразу же.

– Вяжи его! – рявкнул Жила Рыжему, бросая ему моток скотча, после чего обернулся на Шкета: – Ищи сейф!

Ханьгин, сидящий за рулем, посмотрел на часы на панели приборов. Две минуты. Пора. Он тронулся. «Рено-логан» медленно подполз к дверям склада, расположенным рядом с массивными подъемными воротами.

– Сюда! – крикнул Шкет.

Сейф находился в офисной каморке через две двери от сторожки. Жила и Рыжый быстро прошли внутрь, Рыжый скинул со спины рюкзак и выудил из него легкий и компактный сварочный аппарат.

– Быстрее, – скомандовал Жила.

Нацепив очки, Рыжый включил сварку – и огнедышащий снап искр вгрызся в металл.

Ханьгин снова бросил взгляд на часы. Четыре минуты. Через две-три минуты они должны выйти. Еще ни разу работа не занимала больше семи минут.

Вдруг в зеркале заднего вида мелькнула какая-то тень – Ханьгин скорее почувствовал ее, чем увидел. Дернувшись, он обернулся. В ту же секунду водительская дверь распахну-

лась, и Ханыгина выдернули из машины мощные руки двух бойцов ОМОНа. Ханыгин не успел открыть рот, как получил такой удар в живот, что захлебнулся собственным дыханием.

Другие спецназовцы, в шлемах с пуленепробиваемыми забралами и с автоматами в руках, уже стягивались к дверям офиса, беря ее в клещи с двух сторон.

– Документы тоже, берем все! – рыкнул Жила. Рыжий и Шкет выгребали в клетчатую капроновую сумку все содержимое сейфа. Пачки с деньгами, накладные, сотовый телефон. Под ворохом бумаг обнаружили еще 20—30 тугих пачек пяти тысячных купюр.

– Здесь до х... бабла! – обрадовался Рыжий, запихивая деньги в сумку. – Все! Может, по столам пошмонаем, вдруг...?

– Уходим, – рыкнул Жила, первым выходя из офиса.

Первыми из офиса вывалились Рыжий с рюкзаком в руках и Шкет, волочащий на плече баул. И тут же на них со всех сторон бросились вооруженные спецназовцы, оглашая ночь криками:

– На землю! Ми лица! Лежать!

Рыжий мгновенно плюхнулся вниз. Шкет заколебался, и на него мгновенно навалились двое бойцов. Еще двое омовцев рванули к дверям склада, но изнутри их встретил мощный выстрел. Заряд дробовика отбросил бойцов назад, одному разнесло плечо, и он истошно завопил. Остальные бросились к двери, паля в темноту из автоматов.

Жила бросился назад по темным помещениям склада. Услышав крики за спиной, он на бегу обернулся и дважды жახнул в темноту. Кто-то закричал. Со всех ног Жила пустился в заднюю комнату с разбитым окном, через которое они проникли на склад.

– Сзади! Они через окно вошли! Сзади! – кричал Крылов, бросаясь за угол. За ним бросились двое омовцев. Аксенов, пораженно глядя на истекающего кровью и кричащего бойца, которого обступили соратники, еле заставил себя вернуться в реальность и пустился за Крыловым.

Жила выпрыгнул из окна, но на него уже бежали тени.

– Суки! — проорал он, открывая огонь.

Первый же заряд дробин угодил в бедро Крылова, и он, дико взвывая, рухнул на землю. Бегущие за ним спецназовцы открыли огонь из автоматов, но Жила стремительно сорвался с места и, пригибаясь и петляя под градом пуль, исчез за поворотом.

– За ним! – орал Аксенов, с ужасом подбегая к раненому Крылову. – Быстро, мужики, за ним!

Он плюхнулся на землю перед Крыловым. Того колотило от боли, глаза дико вращались. Из раны размером с кулак на бедре хлестала кровь. Аксенов в шоке отшатнулся, даже в темноте увидев потоки крови.

– Б... дь, Леонидыч! Скорую! Вызывайте скорую! – сорвав с плеч пиджак, Аксенов скомкал его и прижал к ране на ноге Крылова. Самого Аксенова трясло от шока. Глянув на бледное и наполненное ужасом лицо истекающего кровью напарника, Аксенов истошно взвыв, срывая голос: – Скорую, б... дь, сюда!!

– Сбежал, значит, сука, – хмуро кивнул Крылов.

– Мы взяли Ханыгина. Помнишь, водила ихний? Который Жилу сдал? За разбои, с одним корешом стал хаты выставлять. А ведь завязал.

– С Жилой он связан?

Аксенов покачал головой.

– Жила ему кишки бы выпустил и все. И Ханыгин об этом знает. Не говорит ничего, зараза. Но я думаю, он после пяти лет завязки снова взялся за старое, чтобы на скорую руку бабла поднять. И свалить из города. Узнал про Жилу – и понял, что надо валить. Потому что Жила до него доберется, и за косяк придется отвечать.

– Запросто, – согласился Крылов. – Эта сука зверь настоящий... Я в ментуре почти тридцать лет провел, Денис. А такого как он отморозка не встречал. До сих пор не могу забыть, как мы тогда взять его пытались... Урод мне ногу чуть не отстрелил. Я еле выкарабкался. Два года по больницам мотался... Хромаю теперь, б... дь. А если бы не эта падла, может, до сих пор в операх бы ходил.

Аксенов с сочувствием посмотрел на наставника, зная, какое огромное место в его жизни занимала работа.

– Тебе еще повезло, Леонидыч. Одного из бойцов так и не спасли.

Крылов отмахнулся. Внешне он был всегда сдержан. Но когда Крылов потянулся к сигаретам, Аксенов сообразил, насколько неприятной для него была новость про Жилу. Бармен за стойкой поднял голову:

– Виктор Леонидыч, у нас не...

– Стаканы протирай свои, – осадил его Крылов. Бармен кашлянул и затих за стойкой. Крылов все же отложил сигареты в сторону. А потом поднял глаза на Аксенова.

– Денис, эта тварь настоящий терминатор. Его обложил взвод спецназа, а он умудрился не только свалить, но и подстрелить троих ментов. Поэтому послушай-ка меня, сынок. Его ищет УФСИНовцы? – вот и пусть ищут. А ты не лезь на рожон, занимайся своими делами. Я не хочу тебя хоронить, понял?

Аксенов промолчал.

Фокин стоял на тротуаре и закуривал, когда у обочины перед ним тормознула машина Ефимова. Тот усмехнулся:

– Ты опять куришь?

– Не опять, а снова, – проворчал Фокин, пожимая ему руку. – Как дела?

– Потихоньку.

– Это было вежливое вступление, если ты догадался.

– Не дурак, – хмыкнул Ефимов и, выудив из кармана несколько купюр, протянул Фокину. Тот быстро спрятал их в кармане. – Видел мой материал по твоей последней информации? – На сайте.

– Она кстати и на сайте больше всего просмотров получила. А в газете пошла на третью полосу, основным материалом. Так что гордись.

– Мне-то что? В газете твое имя, ты и гордись.

– Ты хотел просто деньги взять, или у тебя для меня еще что-нибудь есть?

– Еще как есть, – довольно кивнул Фокин. – Мы вчера банду взяли. Двое в полицейской форме.

Ефимов покачал головой.

– Извини, не интересно. Пресс-служба уже дала подробности, наши делают треть полосы на «Криминале» на завтра.

– Фига се, – расстроился Фокин. – Долбаная пресс-служба, весь хлеб отнимают... А там какие подробности? Они сказали, что те козлы сопротивление оказали? Собровцы подстрелили одного.

– Само собой. И следственный комитет тоже комментарий дал. Говорю же, полноценный материал.

– Ну елки-палки! Я там был, сам все видел, а ты пишешь статью по пресс-релизу, да? Зашибись вообще.

– Сергей, у нас ежедневная газета, – удивился Ефимов. – Ты мне с информацией офигенно помогаешь, я тебе сто раз говорил. За это я тебе кстати бабки и даю из нашего фонда. Но если что-то случилось, мне это нужно уже на следующий день, понимаешь? Не через два

дня, не через три – а на следующий. Ну а кто не успел, тот опоздал. Если бы ты утром или хотя бы в обед позвонил – базара нет, а так...

– Да ясно все, – вздохнул Фокин. – Журналюги проклятые. Знаешь, за что вас никто не любит? Вот как раз за это.

Ефимов расхохотался.

– Зато от ментов у нас вся страна тащится, да?

Когда Аксенов приехал домой, уставший, мрачный и чуть хмельной, Ольга плакала на кухне. Увидев это, Аксенов изумленно шагнул к жене.

– Оль, ты чего?

– Ничего, – всхлипнула она.

– Да что случилось?

– От тебя пивом пахнет? Опять к своему Крылову заезжал?

– Мне посоветоваться надо было, по работе.

– Ну да, я забыла, теперь это так называется, – съязвила Ольга, вытирая слезы.

– Блин, ты из-за этого рыдаешь?

– Я не рыдаю.

– Может, расскажешь уже или как? – Аксенов начал терять терпение. – Что стряслось вообще, Оль? На работе что-то или...?

– Нет у меня больше работы, – жалобно отозвалась она. – Меня сократили.

– Что?

– Глухой, что ли? Сократили меня. Меня и еще девять человек. В целях, блин, оптимизации. Безработная я теперь, понял?

Вечно неуверенная в себе Ольга сейчас наверняка и вовсе считала, что жизнь ее закончена. Вспомнив слова Крылова о жене, Аксенов ласково обнял ее за плечи, погладил по голове.

– Вот для чего это собрание сегодня было, – жаловалась Ольга. – А я, дура, опоздать еще боялась... Денис, я три года своей жизни этой дурацкой шарашке отдала! Видишь ли, продажи у них упали. Потому что продажи надо специалистам поручать, а не любовнице своей, кобель старый!

– Значит, скоро у него начнет падать кое-что еще, не только продажи, – хмыкнул Аксенов. Ольга невольно усмехнулась сквозь слезы.

– Это точно. Надеюсь, упадет так, что никакая «Виагра» не поможет.

Склонившись к Ольге, Аксенов поцеловал ее.

– Не расстраивайся ты. Ну сократили, и что? Все к лучшему, сама знаешь. Тебе эта работа ничего не приносила. Зарплата маленькая, коллектив дурацкий, интриги и все такое... Вот пусть и копошатся в своем змеином гнезде дальше. А мы найдем тебе нормальную работу. Правильно?

Ольга с надеждой кивнула и тут же в знак благодарности прижалась к нему, продолжала всхлипывать.

Они еще долго разговаривали: пока разогревали ужин, пока Аксенов ел, а Ольга сидела рядом, пока укладывались спать. Наконец Ольга, выговорив все обиды, уснула на плече Аксенова. Улыбаясь, он слушал ее дыхание. Покосился на часы. 1:16. Поздно, пора бы и самому уснуть. Но сон не шел. Глядя в потолок, Аксенов не мог забыть события пятилетней давности, которые новым витком внезапно вернулись в его жизнь.

Пять лет назад

Так светло перед складом в это время суток не было, пожалуй, некогда. Десяток машин – «Газель» группы немедленного реагирования из дежурной части, экипажи ППС, мест-

ные опера, «скорые». Фары слепили, а вспышки мигалок было видно, наверное, даже за огромной территорией базы.

– Вы с нами? – крикнул Аксенову фельдшер, заталкивая в «скорую» носилки с отключившимся Крыловым. – Вы с НАМИ?!

Аксенов был в таком шоке, что почти ничего не понимал. Вздвогнув, он пытался решить. Фельдшер рывкнул, прыгая в машину:

– Нет времени, он умирает!

«Скорая», немедленно огласив всю округу воем сирены, рванула с места. Аксенов остался стоять, пытаясь вернуться к жизни. У него перед глазами стояло лицо истекающего кровью Крылова.

Аксенова замутило. Он даже не успел добежать до угла склада, его вырвало прямо на колесо ближайшей патрульной машины. Стоящие около склада ППСники лишь мрачно переглянулись и отвели глаза.

– Твою мать, – пробормотал Аксенов, вытирая рот. Как ни странно, ему полегчало, словно вместе с остатками непереваренной до конца пищи ушла и часть пережитого. Осмотревшись и пытаясь различить что-то в толчее из людей и машин, наводнивших территорию перед местом бойни, он увидел оперов, которые жестко прессовали закованного в наручники Шкета. Учтывая, что в перестрелке тяжело ранили троих сотрудников – задержанного могли в ярости даже забить до смерти – и никто не сказал бы ни слова.

– Где он, сука? Куда он пошел?

– Я не знаю, – скулил Шкет. – Отвечаю, не знаю.

Оперов это не убедило, и Шкет получил мощный удар в бок ботинком, от которого захрипел.

– Где он?! Адрес?

Аксенов различил перед собой знакомое лицо. Опер из управления.

– Ты как, Аксенов?

– Я-то что, не меня продырявили, – подавленно сказал он. – Ох... ть, как он мог уйти? Его преследовали четверо подготовленных, б... дь, бойцов! Как?

– Спроси что попроще, – мрачно отозвался опер.

Аксенов нахмурился, вспомнив про Ханыгина.

– Где водила?

– В воронке, его наши колят.

– В каком?

Опер и Аксенов добрались до одной из машин ППС. Внутри, прикованный наручниками к поручню, сидел бледный и избитый Ханыгин, над которым нависали двое разъяренных оперов. Когда Аксенов подошел к машине, один из оперов врезал Ханыгину в зубы.

– Ты у меня, падла, заговоришь, ты понял меня?!

– Отойди, – сказал Аксенов.

– Что?

– Отошел нахер отсюда! – рывкнул Аксенов. Опер сначала опешил, но что-то в лице Аксенова заставило его лишь молча сжать зубы и отступить. Аксенов забрался в воронку и сел напротив Ханыгина. Тот затравленно смотрел на опера.

– Эта сука подстрелила троих ментов, – сказал Аксенов. – У меня на глазах. Я не знаю, кто он тебе. Кореш, брат, сват... Плевать. Но ты понимаешь, что менты перевернут этот город с ног на голову, но найдут его?

Ханыгин молчал.

– Ты хочешь пойти с ним по одной статье? Покушение на жизнь сотрудника? Там дваточка светит. И это не считая разбоев. Ты готов ради своего кореша на пожизняк идти?

– Я ни в кого не стрелял, – пробормотал Ханыгин. – У меня даже оружия не было.

– А никого не колышет. Аксенов, пристально наблюдая за ним, заметил, что у Ханыгина дрожат руки. А еще – заметил кольцо на безымянном пальце правой руки.

– Трое ментов за раз, – напомнил Аксенов, не сводя с Ханыгина глаз. – Такого у нас не было лет 15, наверное. Это будет показательный суд. Чтобы остальным неповадно было. Ты это понимаешь?

Ханыгин не ответил, лишь опустил глаза.

– Значит, понимаешь, – кивнул Аксенов. – А теперь послушай меня... Как тебя зовут?

– Павел.

– Послушай меня, Паша. Вас было четверо. Но ствола не было только у тебя. Ты не оказывал сопротивление. И плюс ты не принимал участия в самом налете. Ты просто водила. Ты даже внутрь не заходил. У тебя офигительные шансы отмазаться. Только у тебя. У тебя одного из всей банды. Ты женат, да? – Ханыгин бросил на Аксенова быстрый взгляд. – Давно женат? Любишь, наверное, жену, а? Паша, ты можешь получить условку. Ваш главный получает максимальный строгач. Те двое лет по 10–15. Но ты можешь отделаться условкой. Понимаешь?

Ханыгин помолчал.

– Условкой – если...?

– Если ты сдашь этого упыря. Не когда-нибудь, уже в СИЗО, а прямо сейчас. Урод подстрелил троих ментов, Паша. Один из них мой друг. Больше, он мне как отец. И я тебе обещаю. Сдаешь его прямо сейчас – я этого не забуду. И я сделаю все, чтобы помочь тебе. Просто скажи, куда могла пойти эта сука.

Ханыгин ответил не сразу. Взвешивая за и против – с одной стороны страх, с другой желание быть на свободе – он протяжено выдохнул. И наконец отозвался:

– Он у Светки. Это его баба. Она живет на Краснознаменной.

Меньше чем через час группа спецназовцев уже штурмовала квартиру. Учитывая, с кем они имели дело, задержание решено было провести с размахом. Двое бойцов на веревках спустились с крыши на уровень шестого этажа, где располагалась квартира Кибириной, один из них заглянул в освещенное окно. Подал знак второму. Бесшумно переместившись к другому окну, второй боец также заглянул внутрь. После чего тихонько бросил в эфир:

– Кухня. По коридору налево. Он один.

А потом начался штурм.

Жила глушил водку, стараясь залить стресс после западни, из которой вырвался чудом. Голый по пояс, он сидел около бутылки водки и просто курил и пил – одну за одной. Услышав мощный грохот в прихожей и одновременно с этим визг Светы, Жила подорвался. Но в ту же секунду окно за его спиной разлетелось вдребезги, и в комнату ногами вперед влетел спецназовец с автоматом.

Реакция Жилы была чудовищной. В мгновение ока он успел отскочить в сторону и разнести бутылку водки об голову спецназовца. Тот свалился вниз, в груды осколков. Рыча от ярости, Жила врезал ему кулаком в лицо, добивая, после чего дернул на себя автомат...

Ничего больше он сделать не успел – на кухню влетели трое бойцов и сразу открыли огонь над головой бандита. Жила плюхнулся на пол, в осколки оконного и бутылочного стекла, которые сразу же до костей впились в его тело, и заорал:

– Я без оружия! Без оружия!

– Руки за голову! Ноги расставил, сука! – кричали спецназовцы. Заламывая ему руки до хруста в суставах, они не церемонились: несколько ударов тяжелыми армейскими сапогами припились по ребрам, пара ударов по лицу, ломая нос и разбивая рот в кровь. Скрутив окровавленного и избитого Жилу, они поволокли его к выходу. Когда они проводили его мимо гостиной, краем глаза Жила увидел лежащую на полу перепуганную насмерть Свету, которая верещала:

– Я ничего не делала! Артем! Отпусти! Артем!...

В двери Жилу встретили опера. С ненавистью глядя на скрюченного пополам могучего телосложения бандита, Аксенов бросил:

– Пакуйте. Его бабу тоже.

Когда спецназовцы поволокли Жилу к лифту, он успел повернуть окровавленную голову и увидеть лицо Аксенова перед тем, как он скрылся в дверях квартиры.

Аксенов вздрогнул, просыпаясь. На тумбочке вибрировал, озаряя темноту вокруг светом горящего дисплея, сотовый телефон. Протерев глаза, он торопливо вскочил. Ольга всхрипнула во сне и отвернулась. Хватая сотовый, Аксенов машинально посмотрел на часы. 3.51. Какого черта, мысленно выругался он и выскользнул из спальни. Лишь в прихожей, чтобы не будить жену, Аксенов ответил на звонок.

– Аксенов, слушаю.

– Капитан Аксенов? – голос был незнакомый. – Разбойный отдел главка?

– Кто это?

– 5-й ОВД, Корнеев, дежурный опер. Вы нам нужны.

– Я? – Аксенов был обескуражен. – Зачем?

– У нас мокруха. И вы... вы должны это видеть, капитан.

Аксенов понял все, когда услышал адрес, по которому его ждали коллеги. Наспех одевшись и прыгнув за руль, Аксенов сразу же отправился на место, несясь по пустынным ночным улицам. Его путь лежал в частный сектор.

Свернув на нужном перекрестке узких неасфальтированных улиц, Аксенов сразу увидел, что происходит. Перед наполовину выгоревшим и почерневшим домом стояли два пожарных расчета. Огнеборцы одного из них скатывали пожарные рукава, рукав другой машины все еще тянулся через распахнутые и уцелевшие при пожаре ворота в темноту двора. То, что еще недавно было домом, слабо курилось – дымок плясал в свете прожекторов, бьющих с крыш пожарных машин.

Когда Аксенов вышел из «пежо», к нему шагнул тип средних лет.

– Капитан Аксенов? Это я звонил.

– Комитет уже вызвали?

– Само собой. И комитет, и убийчики обещали подъехать, – опер хмуро посмотрел на дом. – Пожарные говорят, очаг возгорания был в прихожей. Там разлили горючую жидкость, бензин или что-то вроде того, и подожгли. А труп был в зале. Поэтому жмур выгорел не полностью, только поверхность тела, ну и...

– Показывай, – мрачно оборвал его Аксенов, первым шагая к воротам.

Они прошли во двор, пропахший мокрой сажей, и шагнули в темноту сгоревшего дома. Опер передал Аксенову фонарь:

– Не налетите ни на что, капитан. Зал вон там, налево...

Аксенов прошел мимо пожарного, который копошился в гряде обгоревшего скелета того, что совсем недавно было прихожей. Под ногами чвакало – весь пол дома был залит водой и пеной. В доме воняло так, что дышать было почти невозможно – Аксенов невольно прикрыл нос рукавом. В гостиной их встретили еще двое пожарных, которые тихо переговаривались, глядя на пол.

Там лежал обгоревший труп. Полностью черный, обугленный, но ткани сохранились почти все – от этого мертвец выглядел еще более ужасно, словно восставший из ада некромант. Аксенов выругался себе под нос:

– Твою же мать...

– Женщина, – бросил один из пожарных, уходя. Опер, закрывавший рот платком, взглянул на Аксенова.

– Вот что было у нее в руке, капитан. Не сгорело каким-то чудом. Она, наверное, крепко сжимала... От боли или... не знаю.

С этими словами он протянул Аксенову полиэтиленовый пакет. Посветив на него фонарем, внутри Аксенов увидел остатки своей визитки – обгоревшая по краям, она все-таки сохранила фамилию, имя и должность, а также один из указанных на визитке телефонов.

Аксенов был подавлен и разбит, словно он налетел на бетонную стену.

«Я попытаюсь помочь вашему мужу, чтобы ему дали условный срок, – соврал Аксенов, вручая эту самую визитку тогда еще живой женщине. – А вы, если вспомните вдруг что-нибудь – позвоните, хорошо?»

– Знаете, кто труп? – спросил опер.

– Ее фамилия Ханьгина, – мрачно отозвался Аксенов. – Сегодня утром мы обыскивали этот дом. Сегодня утром...

Часть 2

– Как...?

– Уверен, что хочешь это знать?

– Как ее... убили?

Аксенов вздохнул.

– Ножом. Два удара. Выполненные профессионально. Она умерла сразу, Паш. Не мучалась.

– А он ее... – Ханыгин помедлил, боясь сказать это слово. – Он с ней... делал что-нибудь еще?

– Нет, – соврал Аксенов. Он не был уверен, потому что вскрытия Ханыгиной еще не провели. Но ее мужу, внезапно ставшему вдовцом, знать об этом было не обязательно. – Просто убил. Он искал тебя, Паш. Не нашел и решил оторваться на жене.

Ханыгин сдавленно кивнул. Посмотрел на свои руки, словно на них была кровь супруги. Хотя отчасти – так оно и было. Но лишь отчасти.

– Ты боялся, что Жила придет за тобой, – мягко сказал Аксенов, отлично понимая, что сейчас чувствует задержанный. – Так оно и вышло, Паш. Поэтому я хочу спросить одну вещь. И ответь мне честно. Если ты, конечно, хочешь отомстить уроду за твою жену. Как ты узнал, что Жила вернулся? – видя, что Ханыгин колеблется, Аксенов продолжил: – Только не говори мне, что по телеку увидел. Я проверил. Вы совершили первый разбой за сутки до того, как ФСИН передала на местные каналы информацию о Жиле. А для работы нужна подготовка. Разведать обстановку, пути отхода... У вас с Сашко просто не было для этого времени. Как ты узнал про Жилу?

Ханыгин помолчал.

– Его баба, Светка... У нее есть брат. Родной брат, младший. Его зовут Толя. Мы с ним познакомились на суде.

– Тогда, пять лет назад?

Ханыгин кивнул.

– Жилу судили и по другим статьям. К этому времени суд по разбоям уже прошел. Мне дали условку, Шкету и Рыжему по семь лет. Само собой, я пошел на приговор Жиле. Хотел знать, сколько ему дадут... Там и познакомились с Толяном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.